Автор: Мысли вслух
25.12.2017 12:27

"...Надо сказать, что этот список можно было бы продлить...".

6. Сантехник

в быстрине снегопада
сантехник плывёт с фонарём,
он забыл его выключить,
так и плывёт с фонарём,
со звездою во лбу.
с укрощенья воды
торопящийся в бурный поток снегопада,
оформитель пространства,
плывёт светотехник-сантехник,
снегопаду как раз
не хватало его фонаря.
нет, не может быть столько
запасов сырья
на небесных складах снеговых –
это сыплются звезды уже
и крошится луна,
что за ночь предстоит нам без них?!
а сантехнику до фонаря,
он вмешался уже в снегопад,

расщеперив карманы спецовки,
отрастив плавники.
там, где снег производят,
сантехник всплывёт с фонарём,
сочетав с облаками лихие власы снеговые.
а у нас, на февральской земле
снегопад разошёлся клочками,
и время в клочки,
и рэгтайм,
и рэгтайм,
и рэгтайм,
и рэгтайм.
Эй, сантехник!

Стихотворение про вознесшегося сантехника. О незамеченной смерти (умер на ходу, не прекращая движения; из хлябей подземно-канализационных— сразу в небесные). Сюда, конечно, больше подошло бы слово «ассенизатор», к этой каске с фонариком и к противопоставлению двух видов хлябей, но от замены на это слово что-то непоправимо сдвинулось бы в этом снежном и хрупком стихе, перекосилось бы в сторону стёба.

Душа уже ушла, устремилась вверх, «расщеперив карманы спецовки» и не выключив фонарик во лбу, то есть даже не заметив, что перестала быть «сантехником», а снизу ещё кричат ей, требуют и зовут (явно не жена и не друзья, те бы звали по имени).

Автор сначала воссоздаёт, а затем напрямую подсказывает «настроение», «музыкальную тему» этого текста: и рэгтайм, и рэгтайм, и рэгтайм.

/«Рваное время», жанровая разновидность джаза. Отличается сильно синкопированной ритмикой. Образный строй — оптимистичный, шутливый, с оттенком наивности. Услышать типичный рэгтайм можно в саундтреках немого кино, например, в фильмах Чарли Чаплина./

**18. Сон 9 **

мальчишка на трехколесном спешил ко мне,
улыбался солнцем во весь проспект.
и я проснулся в слезах, точно кулек в росе
среди синей отяжелевшей травы.
я выдохнул: «Боже, прости...»
так есть ли жизнь
после меня? гомункулы, плоды абортов,
укоризненно смотрят с потолка, не моргая:
восковые пауки с детскими лицами.
обиженно кривят тонкие губы/жвалы.
но что я могу вам сказать? самому повезло.
меня запросто могло и не быть, если бы да кабы,
такая же случайность - вцепился зубами - мама, прости -
в яйцеклетку,
в сладкое печенье,
в заиленный край бытия.
статуэтка ангела с отбитыми по локоть руками,
с гипсовой мордой пираньи.
какая же тонкая призрачная тварь,
грань
между «быть» и «не быть»,
между Гамлетом и гетто.
и я наугад протягиваю стихов трассирующую нить
сквозь черную иглу Вселенной,
а творец, точно пьяный Чапаев, вслепую шмаляет
из пулемета по знакам зодиака,
и ночь полыхает в зарницах без конца и края,
только природа всегда тебе рада,
как холодильник еде.
ты снишься Господу, а когда Он проснется -
то вряд ли вспомнит, что ему снилось.
лопоухий мальчишка с глазами лани...
кто ты?

кто же ты?
последняя надежда мира,
принявшая химеричный размах.
мальчишка на башне из слонов:
стоишь на плечах
миллионов, истлевшие жизни,
пепел в окне электрички
тускло звенит,

тянешься к окну в звезде.
робко стучишь:
а Господь дома
он к нам выйдет
заметит нас
смотри целый мир
встал на цыпочки
из огня и мрака
сквозь жир и безумия
протягивает лапу
розу с занозой
давай дружить
помоги мне...

Попытка — и весьма успешная — взять мозговым/сердечным/душевным штурмом понимание сути бытия, самой этой разницы между быть и не быть. Парадокс, но сила такой попытки — как раз в ее наивности и утопичности. Как ребёнок, пытающийся представить бесконечность Вселенной, автор бросает весь свой ум, талант и чувственный опыт на постижение этой тайны. Чем и располагает к себе. Автор — веселый романтик, вышедший в многомерный и многомирный космокеан всего сущего на моторной лодке маленькой частной жизни. У него отличная система навигации (шесть чувств, каждое из которых гиперразвито и мега-обострено) и мощный поэтический дар-двигатель.

Не буду делать вид, что не узнала автора. Конечно, узнала, и говорю сейчас, опираясь не столько на этот конкретный верлибр, сколько на творчество автора в целом.

**107. Фермер **

Свет солнца над террасой (как зеркало в пыли),
Приподнимают астры соцветья от земли.
Кувшинки, как заплаты, на ватнике пруда,
Ждут вороны-прелаты день Страшного Суда.
По метеопрогнозу - гроза на после двух,

О чем не знают розы и розовый лопух
С изнанки... Только карпы, как тёмные волхвы,
Лежат у дна, попарно, набравшие воды
В желудки... я намедни - навешал им лапши,
Держа в сарае бредни на всякие шиши.
Не ветреная Геба - Зевесова орла:
Мулардам дал я хлеба и репы (не со зла).
Собрались возле лужи на сходку воробьи,
Поднялся ветер, южен, как le vin d'Ay.
Таинственно ступая, как пешкой сделать шах,
Вошла соседка Рая с бездонностью в очах.
Я дал ей корнишоны, капусту-бигуди,
Уняв умалишенный стук в области груди.
Словами о погоде, о состоянье дел
На огороде, вроде, я говорить посмел.
Раздался, отрезвляющ, сигнал (конец надежд):
У Раи есть товарищ на Lamborghini (беж).
Мы с Райкою учились в обычном ПТУ,
Любили группу "Chi-Li" и делали тату.
Раз, убежав с урока, укрылись от грозы
В саду, где бюст пророка не проронил слезы.
По метеопрогнозу - земля была, как гимн!
Метаморфозы прозы, Овидий Публий ибн...

Стихотворение, на мой взгляд, расхлябанное, растрепанное и небрежное, как дачный пион, сорванный лирической адресаткой «соседкой Райкой» с единственной целью — несильно, дразня, отхлестать им лирического героя по физиономии, а после бросить в ближайшую лужу. Все эти вставки в скобках, реплики в сторону. Совершенно рассогласованная грамматически строчка: «Не ветреная Геба — Зевесова орла». Латиница иностранных вкраплений вся эта.

И тем не менее, мой личный топ без этого стиха был бы неполон. Его пышная, махровая, нарочито «мещанская» образность меня примагнитила и заворожила. Так что беру, ничего не могу с этим поделать, беру, вместе с Зевесовой орлой и капустой бигуди.

134. Город

Заходи в этот город сбоку, по краю сна.
Не буди его чёрных дьяков, старух, ворон.
Жизнь его обмелела и стала тесна, пресна.
Через пару часов пассажирский. Вон там перрон.

Ну а то оставайся. В сырых подворотнях хлам.
На окошках, естественно, женского рода тюль.
В старомодных квартирках кружавчики тут и там.
Сухоцветам в вазоне двадцатый, поди, июль.

Насобачишься, может, вязать половик крючком.
В палисаднике высадишь мяту и эстрагон.
У соседа узнаешь, как наземь кладёт ничком
на дубовом паркете настоянный самогон.

Уезжаешь? От века он крестит любого вслед,
поминально звонит с колокольни: по-коммм... по-коммм...
В этом городе солнечный свет, в глинозёме след,
золотые шары, перебрёх, тишина с дымком...

Совпадаю с автором в этом переживании волнительной мистической причастности к неким фантомным, сноявленным городам, бывшим когда-то вполне реальными, а потом сдвинувшимся в область личной мифологии. Полюбила стих за первую строчку. Дальнейшее тоже не разочаровало.

230. Тишина

Я с этим миром больше не знаком.
Он склочен, словно пьянка у соседей.
Он тренькает огульным языком,
Которым разговаривал Есенин.
Меня поцеловала тишина,
И я заткнулся, ей не прекословя.
Она моя неверная жена,

И наши дети будут тихой крови.
Поэт в Москве – кровавое мясцо
На пролетарской булке в общепите.
С размазанным по вечности лицом –
Нажорист, бутербродист, аппетитен.
Бесценно одиночество в толпе,
Которое не разучилось выкать.
Но вот ко мне идёт моя Л.Б.
Она всегда искала худший выход.
Она заходит в наш терпимый дом,
В котором мы отмаялись втроём,
Молчит и пьёт одна под образами
И морит бога блядскими глазами.
И он молчит.
И тот, другой, молчит.
И мне уже давно ответить нечем.
И шутка хороша, когда горчит.
И тишина.
И инцидент исперчен.

Очень понравилось это стихотворение. Пожалуй, его невхождение в топ-32 огорчило больше всего.

235. Памяти Поэта

А стихи писал так легко,
Словно в речке коня купал!..
Леонид Губанов

В полном стакане густая ночь.
Выпьешь, не станет легче.
Я на тебя стал похож точь-в-точь.
Так же сутулю плечи.

Так же пишу перед сном стихи,
Вывернув лампе веко,

Сам отпускаю себе грехи
В душном притворе века.

Если о рае, то это бред.
В ад не пропустят черти.
Кто мне ответит: «На сколько лет
Ты отлучён от смерти?»

Так и застрял на краю пути
В вязком похмельном вздохе.
Время пыталось тебя найти
И приколоть к эпохе.

Схож я с тобой, что бросает в дрожь
Вещий язык Баяна.
 Что ты такого, едрёна вошь,
Выплеснул из стакана?

Вот ещё одно стихотворение о поэте, и тоже очень хорошее, тоже недостало мне его в итоговом топе.

Лаконичная, но какая-то округлённая, ладная, наполненная строка (как стопка «с горочкой»). Несколько замечательных находок: и вывернутое веко лампы, и время, которое «пыталось тебя найти и приколоть к эпохе» (но не нашло и не прикололо), и каламбур — смысловой перевертыш в концовке. Не «что ты такого плеснул в стакан?», а что ты ВЫПЛЕСНУЛ из стакана? Фатальная нехватка чего-то, утрата, от которой «штырит» гораздо сильнее, чем от принятого внутрь.

290. Ночь

Ночь – неведомая стихия,
Среда, что, наверное, нам чужда.
Слышишь писк? Это младенцы Вия
Падают из гнезда...

Пробуждаясь, кормит с ладони мошек
Джин-огонь, обитающий в фонаре.
Солнце стучит у него под кожей,
Пульсирует Евой, рождающейся в ребре.

Промельк нетопыря... воет на звёзды филин,
О вечной любви упоённо поют сверчки.
Тьма входит в город, цепляя за крыши килем,
Словно крейсер в устье лесной реки.
Мгла слетает с Господней жмени.
Мглинки светом взойдут с утра.
Посмотри, как ваяют тени
Мрачносферные мастера.

Стихотворение, стилистически неровное, местами даже неловкое, но там, где хорошо — там очень уж хорошо! «Тьма входит в город, цепляя за крыши килем,// Словно крейсер в устье лесной реки». Зримо, выпукло, как-то празднично, что ли.

300. [В брюхе неба зреет вьюга]

в брюхе неба зреет вьюга
запасаясь ветром впрок
превращается в лубок
с первым снегом вся округа

за пределами маршруток
снег выбеливает мир
только сталинский ампир
сер в любое время суток

в мавзолее мерзнет ленин
мерзнут елки у кремля
мерзнет древняя земля
стынет память поколений

сны и антидепрессанты

веет скукой за версту
на бессмысленном посту
мерзнут юные курсанты

и дрожит над парапетом
москворецкого моста
ледяная пустота
чуть подернутая светом

Тоже насыщенная, полнокровная образность вкупе с милой моему сердцу короткой строкой. Если и «лубок», то в хорошем смысле этого слова. В одном из обзоров справедливо было указано (Доктором, кажется), что фраза «за пределами маршруток // снег выбеливает мир» звучит странно, словно снега нет только и исключительно вне маршруток, а других островков бесснежия как бы не существует. А квартиры, а машины, а другие защищённые от непогоды лакуны жилого и нежилого фонда?

«За пределами маршрутКИ», одной, было бы логично: маршрутка здесь означала бы местонахождение лирического героя.

Множественность маршруток, с одной стороны, смотрится как ляп, с другой — ничто не мешает нам вспомнить мандельштамовское «однажды я шёл Арбатом, // бог ехал в пяти машинах».

Если бог — в пяти машинах, то почему бы обыкновенному собирательно-обобщенному гражданину не обнаружиться в ста тысячах московских маршруток?

Одним словом, можно рассматривать это как помарку, а можно — как находку, своего рода реверанс эпохе, я склоняюсь к последнему.

316. Река

Я ходила искать моего убежавшего Джека
По осеннему лесу, по колкой траве порыжелой,
Над рекой с неподвижной водой ледяной молчаливой,
Где каскадом склонились безмолвно плакучие ивы -
Я искала его, я звала его: Джек! и свистела -
Но ни звука в ответ из окрестных полей опустелых -
Только эхо порой возвращалось ко мне рикошетом -
Я всё шла и сквозь слёзы звала убежавшего Джека;
Опускался туман. Клочья белой шифоновой ткани
Расплывались над речкой, ползли у меня под руками,
Укрывали тропу средь озябших речных разнотравий -
Эти травы дурманили голову словно отрава -
Я блуждала по зарослям дрока, хвоща и манжетки,
И звала и звала моего убежавшего Джека...

Постепенно менялись цвета в глубине панорамы:
Растворялись в тумане густом краски осени ранней -
Превращались и небо, и лес, и речная лагуна
В монохромный эскиз лаконичный пером по латуни...

Я брела вдоль реки без дороги и плакала горько,
И в какой-то момент оказалась на голом пригорке,
И оттуда увидела вдруг очертания лодки,
И причал, и фигурки людей в поволоке бесплотной,
Старика на корме в одеянье чуднОм старомодном,
И собаку, к нему на колени приткнувшую морду -
Я хотела приблизиться к лодке, но некая сила
Удержала меня и спуститься к воде не пустила -
Я смотрела на старца и пса, и на лодку в смятенье,
И сгущался туман, превращая всё сущее в тени...

В эту ночь я казалась себе сумасшедшей и пьяной -
Это мог бы быть сон, но мой плащ был усыпан репьями,
И когда на заре к серебру подмешали мадженту,
Я снимала колючки с плаща, как снимала их с Джека;

Много раз я потом приходила на речку, мечтая
Посмотреть, как туман всё плывёт над водой и не тает,
Ощутить позвонками, как лодку качает вода, но,
Видно, рано пока, и не время ещё для свиданий -
Час придёт – примут здесь и обол, и копейку, и шекель -
Я увижу опять моего убежавшего Джека...

Стихотворение о художнице и ее убежавшей собаке. То, что лирическая героиня — художница, не вызывает у меня сомнений. Даже если окажется, что автор — ни художница ни разу и вообще мужчина. Строчки про «монохромный эскиз лаконичный пером по латуни» и серебро, к которому «подмешали мадженту», говорят сами за себя.

Но включаю в топ, разумеется, не за это.

Здесь очень достоверно описано переживание инсайта, выхода на некий другой виток вИдения благодаря душевному потрясению. Девушка потеряла собаку, очень долго искала ее в лесу, выбилась из сил, и явилось ей это видЕние: отчаливающая от берега лодка на лесной речке, в ней какие-то люди-тени, старик (ни кто иной как Харон) и ее собака. То ли это измотанное подсознание подсунуло ей такую утешительно-прощальную галлюцинацию, примиряющую со смертью собаки, то ли правда зыбкая ткань между мирами в замерцала и стала на миг проницаемой для ее взгляда... Неизвестно, что именно произошло, но от текста сильно ощущение, что именно так всё и было. То есть ощущение подлинности, реальности переживания, из которого выросла эта полупритча-полубаллада. А ощущение подлинности дорогого стоит.

322. Крупская

Бабушка тогда была золотоволосой девчонкой,
юркой синицей, прилетевшей после революции в Петроград.
Училась на библиографа, в студенческой гонке
узнавала, как присваивать книгам библиотечные номера.
После глухого белорусского городишки -
бурление новой жизни среди невиданных дворцовых громад.
Питер - голодный, в окроплённой кровью столичной манишке,
с аккордом музейной красоты чугунных оград.

Подготовка специалистов в области полиграфии
и распространения книг названа архиважной.
Юные библиографы – в нужной стихии:
в волнах работы книжно-бумажной.
И вдруг - фанфарой волнующее объявление:

назавтра всем быть в отглаженных блузках,
потому что ожидаем в этот счастливый день
Надежду Константиновну Крупскую.

...Смотрю на бабушку, видевшую жену Ленина:
С ума ведь сойти - рядом стояла...
Спрашиваю: «И как твои впечатления?»
«Да знаешь, - отвечает, - совсем мало
пробыла я рядом, оттеснили нас с подружкой на пару,
и больше не подобраться - я была робкой.
Штопка у неё на юбке была. Юбка старая,
но чистая - и на ней аккуратная штопка».

Какой-то вневременной свежестью, юностью повеяло от этого стихотворения. Юность, заявленная в тексте (юность бабушки, «юность мира», изменённого революцией), резонирует с девчачей звонкостью, непосредственностью подачи, в каком-то особом свете выхватывает из аляпистого бреда истории эту самую штопку на юбке, штрих, вроде бы, здесь и сейчас никому не нужный и ни о чем не говорящий, но «архиважный» с точки зрения Вселенной и в ее масштабах.

*

Надо сказать, что этот список можно было бы продлить и упомянуть еще такие стихотворения как «Шиповничий снегопад», «Зимородковые дни», «Дар», «Курлы», «Манька», «Прощай, Долорес», «Пиксели», «Ветреное», «Вот и мне» и другие, но топ-10 – это топ-10. Весь смысл в том, чтобы ограничиться десятью.

ИМХО-КЛУБ